

АНТИЦЕРКОВНЫЙ ТЕРРОР В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИИ

С. В. ЛЕОНОВ

Статья посвящена историографии большевистских репрессий против Русской Православной Церкви в период Октябрьской революции (1917–1921). Рассматриваются основные тенденции и особенности соответствующей историографии с ее зарождения и до настоящего времени. Отмечается, что в советской исторической литературе данная тема фактически была под запретом и в лучшем случае затрагивалась мимоходом. Лишь к концу перестройки эти сюжеты стали активно обсуждаться, и то в публицистическом ключе. Основу историографии антицерковного террора в период Октябрьской революции заложили русские эмигранты, прежде всего А. А. Валентинов и протоиерей М. Польский. Заметного приращения знаний добилась западная историография, однако до 1990-х гг. ее развитие также сдерживал дефицит источников. В современной России на волне небывалого интереса к истории Церкви появилось множество работ, затрагивающих те или иные аспекты репрессий против духовенства и мирян в период Октябрьской революции. Тем не менее ряд ключевых проблем не получили пока убедительного разрешения и носят дискуссионный характер. Среди них: непосредственные цели политики большевиков по отношению к Церкви в этот период и факторы антицерковного террора; соотношение террора «сверху» (со стороны официальных структур) и «снизу»; позиция преобладающей части городского и сельского населения; численность подвергшихся репрессиям священнослужителей, прихожан и т. д. В целом антицерковный террор в период Октябрьской революции остается относительно малоисследованной темой.

История Русской Православной Церкви в течение почти всего советского периода занимала незначительное место в официальной историографии. Власти не хотели привлекать к ней «излишнего» внимания общественности, к тому же слишком много идеологических, цензурных ограничений они накладывали на исследователей. В особенности все это относилось к проблеме антицерковного террора в период Октябрьской революции.

Сама тема большевистских репрессий была по большей части табуированной. Чтобы переложить ответственность за развязывание небывалого кровопролития с себя на своих политических противников, В. И. Ленин, а за ним и большинство советских историков стали разрывать, искусственно разграничивать

Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, хотя поначалу, после прихода к власти, большевики рассматривали эти понятия как тождественные¹.

Стремясь сломить Церковь и оправдать антицерковный террор, большевистские лидеры, советские обвинители на судебных процессах над священнослужителями представляли Русскую Православную Церковь как одну из важных составных частей контрреволюции. Такие установки сформировали методологическую базу советской историографии.

В 1920–1930-х гг. потребности борьбы с выжившей, несмотря на все атаки на нее, Церковью породили примечательный феномен — разоблачение «церковной контрреволюции» в период «Великого Октября» стало одним из ведущих направлений советской историографии². В довоенный период, даже по неполным подсчетам, было выпущено порядка 40 одних лишь брошюр и книг (!), многие из которых еще и неоднократно переиздавались. Это заметно превосходило по численности работ литературу, направленную против эсеров, меньшевиков и иных социалистов, не говоря уже о других противниках большевиков, которые еще раньше сошли с политической арены. Однако лишь небольшая часть «антицерковных» авторов упоминала об отдельных репрессиях против духовенства. Причем данные меры оправдывались обстановкой гражданской войны, а главным образом тем, что были направлены против церковных «контрреволюционеров» или «антисоветских деятелей»³.

«Расцвет» антицерковной историографии оказался непродолжительным. После начала Великой Отечественной войны и особенно после фактической реабилитации, а точнее «полуреабилитации», Русской Православной Церкви в 1943 г. подобного рода литература практически перестала издаваться.

Лишь в связи с новым изменением политического курса к концу 1950-х гг. в СССР вновь стали появляться отдельные работы, посвященные главным образом

¹ См.: *Леонов С. В.* Государственная безопасность Советской Республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 334. Хотя датировка начала Гражданской войны до сих пор остается дискуссионной проблемой, все больше исследователей рассматривают Октябрьскую революцию и Гражданскую войну как единый период. Вслед за А. А. Валентиновым верхней хронологической границей рассматриваемого периода мы избрали 1921 г. Это объясняется не только тем, что переход к нэпу обозначил завершение Октябрьской революции. В 1922 г. гонения на Церковь вступили в новый этап, импульсом к которому послужила кампания по изъятию церковных ценностей.

² См.: *Абросенко К. П.* Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938; *Амосов Н. К.* Октябрьская революция и церковь. М., 1939; *Анвесул В.* Церковь и Гражданская война на Урале. Свердловск, 1937; *Бойцов Н.* Святейшая контрреволюция. М.; Л., 1931; *Введенский А. И.* Церковь и государство. М., 1923; *Дягилев Д. В.* Церковники и сектанты на службе контрреволюции. Челябинск, 1939; *Кандидов Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. М., 1930; *Он же.* Церковь и гражданская война на Юге: Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны. М., 1931; *Он же.* Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на юге в годы Гражданской войны. М., 1930; *Он же.* Церковь и Октябрьская революция. М., 1929 (1930, 1933) и др.

³ См., напр.: *Введенский А. И.* Церковь и государство: Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923. С. 229, 230, 237, 238.

идеологической борьбе с Церковью⁴. Масштабы разработки темы увеличились со второй половины 1960-х гг., когда вышли ряд книг и брошюр (Р. Ю. Плаксина, И. Д. Эйнгорна и др.)⁵. Новый всплеск внимания к рассматриваемой теме произошел после начала перестройки и был вызван постепенным ослаблением цензуры и подготовкой празднования 1000-летия Крещения Руси⁶.

Отражая потребности власти (в борьбе с религиозной идеологией), а в какой-то мере и советского общества, где сохранялся, а в итоге, по-видимому, и нарастал интерес к истории Церкви⁷, число различных публикаций, защищенных

⁴ См.: *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М., 1958; *Воронцов В. Б., Макаров Н. Ф.* Отношение Коммунистической партии и советского государства к религии и церкви. Л., 1957; *Давидович И.* Развитие теории и практики пролетарского атеизма в СССР (1917–1930 гг.). М., 1958; *Платонов М. Ф.* Противодействие церкви установлению и упрочению советской власти // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1961. Т. 5; *Флеров В. С.* Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые. записки Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. 1959. № 37.

⁵ См.: *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции (1918–1923). М., 1968; *Воронцов Г. В.* Ленинские принципы свободы совести и их осуществление в СССР. М., 1968; *Гордиенко П. С.* Современное православие. М., 1968; *Куручкин П. К.* Социальная позиция русского православия. М., 1969; *Эйнгорн И. Д.* Октябрьская революция и позиции церковников Западной Сибири. Новосибирск, 1969; *Он же.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). Томск, 1982; *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазных фальсификаций положения религии в СССР. М., 1971 (2-е изд. М., 1975); *Андрюченко (Ворожцова) Л. А.* Атеист ленинской школы: жизнь и атеистическая деятельность П. А. Красикова. М., 1976; *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; *Куроедов В. А.* Религия и Церковь в Советском государстве. М., 1981; *Крывелев И. А.* Русская православная церковь в первой четверти XX в. М., 1982; *Снигирева Э. А.* Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие Советской власти. (1917–1927 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1974.

⁶ См.: *Воронцов Г. В.* Антикоммунизм под клерикальным флагом. Л., 1986; *Корзун М. С.* Русская православная церковь 1917–1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987; *Плаксин Р. Ю.* Тихоновщина и ее крах. Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. М., 1987; *Нечаев М. Г.* Контрреволюционная деятельность Церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988; *Юшин Е. А.* Англо-американская буржуазная историография взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1923 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988 и др.

⁷ Хотя церковная иерархия была уже прочно интегрирована в советскую политико-административную систему и власти не сомневались в целом в ее политической лояльности, они все же видели в Церкви чуждый идеологический и социальный институт, доживший — вопреки всем ожиданиям — до «развитого социализма» и пользовавшийся влиянием среди части общества. Тем не менее рост числа работ, затрагивающих историю Церкви в период Октябрьской революции и Гражданской войны, необъясним только идеологическим заказом властей. Как во второй половине 1950-х, так и во второй половине 1960-х гг., а затем и в 1986–1987 гг. слишком быстро появлялись нужные для власти исторические труды после соответствующего изменения курса. Учитывая определенную инерционность исторических исследований, даже явно «облегченных», а также затянутый издательский цикл, это было бы невозможно без существовавшего и даже нараставшего в среде самих исследователей (а также части общественности) интереса к данной теме, реализовать который и помогало очередное изменение политической обстановки.

диссертаций быстро увеличивалось. Однако, в отличие от довоенного периода, специальные работы по истории Церкви и борьбы с ней в 1917–1921 гг. носили единичный характер. Масштабы же историографии Октябрьской революции и Гражданской войны несоизмеримо выросли. На ее фоне рассматриваемые работы и вовсе представляли собой мизерную величину.

С конца 1950-х гг. соответствующая историография приобретала наукообразный вид: в работах все чаще появлялся научно-справочный аппарат, ссылки на архивные документы и т. п. Заметное место в ней заняли монографии. Однако качество большинства работ (даже большинства «раннеперестроечных»), их методология и источниковая база существенно не изменились. Основу последней составляли советские и то главным образом опубликованные, использовавшиеся ранее источники. Примечательно, что отдельные авторы признавали: «...факты церковной контрреволюции в современной историографии освещены слабо», что, по сути, ставило под сомнение всю советскую концепцию истории Православной Церкви в рассматриваемый период. При этом литература 1920–1930-х гг. по большей части замалчивалась: хотя периодически она выборочно использовалась, но не анализировалась, ее положения не верифицировались, историографические обзоры даже в монографиях по большей части отсутствовали. Оценки «контрреволюционных» деяний Церкви, по сравнению с работами 1920–1930-х гг., хотя и несколько смягчились, но в целом по-прежнему воспроизводили идеологизированные штампы, а зачастую и прямые фальсификации⁸.

В целом большинство авторов по-прежнему избегали сюжетов о репрессиях против Русской Православной Церкви. Если и упоминались расправы над духовенством и прихожанами, судебные процессы и т. д., то, как правило, мимоходом. Получалось, что борьба с «церковной контрреволюцией» велась почти всецело политико-административными и агитационно-пропагандистскими методами⁹.

Вместе с тем постепенно в советской литературе накапливались малозаметные, на первый взгляд, но показательные изменения. В связи с усилением борьбы против «фальсификаторов истории» многие авторы вынуждены были активнее опровергать «мифы о гонениях советской власти на религию и церковь»¹⁰. Уже это привлекало внимание к большевистским репрессиям, о которых подавляющая часть населения и даже многие советские историки не знали или же имели крайне смутное представление. Более того, появились отдельные статьи, непосредственно посвященные борьбе тех или иных «силовых» советских органов с «церковной контрреволюцией»¹¹.

⁸ «С самого первого дня Октябрьской революции церковники выступили против нее. Они решительно поддержали вооруженное сопротивление контрреволюции, призвали верующих не признавать Советскую власть, бороться с нею. <...> Не было ни одного антисоветского заговора, ни одной белогвардейской авантюры, в которых так или иначе не принимало бы участие православное духовенство» (*Плаксин*. Крах церковной контрреволюции. С. 3, 4, 52, 92, 137).

⁹ См.: *Плаксин*. Крах церковной контрреволюции. С. 51, 58, 59, 70, 73, 74, 82, 84, 101, 102, 104, 132, 133; *Корзун*. Указ.соч. С. 14, 15, 22, 28, 40.

¹⁰ См.: *Плаксин*. Крах церковной контрреволюции. С. 114.

¹¹ См.: *Гутман М. Ю.* Участие петроградской милиции в борьбе с церковной контрреволюцией (1917–1920 гг.) // Вопросы политической работы в органах внутренних дел

В целом советские авторы стали чаще признавать факты отдельных, преимущественно судебных, репрессий против Церкви (хотя и подчеркивали при этом их мягкость и вынужденный характер). С 1980-х гг. и особенно с началом перестройки некоторые из них, со ссылкой, как правило, на опубликованные источники, стали чуть более подробно говорить о некоторых репрессиях и даже приводить пусть и явно заниженные, но обобщенные цифры. Р. Ю. Плаксин упомянул о 12 отчетах о процессах над духовенством в 1919–1920 гг., опубликованных в журнале «Революция и церковь» (на них были привлечены к ответственности 47 человек), а также о процессах, прошедших еще в четырех городах¹². В известной работе Д. Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» признавалось, что в 1918–1919 гг. ревтрибуналы рассмотрели 78 дел о «преступных действиях церковников», приводились и подробности об отдельных процессах¹³. В 1988 г. Ю. П. Титов на основе архивных документов уточнил, что Кассационный трибунал только за 1919 г. рассмотрел 78 дел о контрреволюционных выступлениях, «вдохновителями и активными руководителями» которых являлось духовенство (из них 68 произошли в деревне). Из 39 приговоров к высшей мере наказания «по отношению к церковникам» Кассационный трибунал утвердил 36¹⁴.

В ряде работ стал использоваться тезис о 1414 кровавых столкновениях, произошедших в 1918 г. в результате реализации декрета об отделении Церкви от государства и «спровоцированных контрреволюционерами и реакционными священниками»¹⁵. В действительности эта цифра, введенная в оборот Н. В. Крыленко, относилась к 1922 г. (!), что красноречиво иллюстрировало качество советской историографии. Тем не менее активное использование таких данных отражало рост общественного интереса к почти закрытой теме репрессий и их статистике. Косвенно о масштабах столкновений с верующими, силе их сопротивления говорили и опубликованные цифры советских потерь. По данным Крыленко, «только в результате погромов, организованных духовенством при помощи набатного звона, в течение одного года (2-я половина 1918 г. — 1-я половина 1919 г.) было убито 138 коммунистов»¹⁶.

в свете решений XXVI съезда КПСС: Сб. науч. трудов. Л., 1981; *Титов Ю. П.* Революционные трибуналы в борьбе с церковной контрреволюцией // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России: Сб. науч. трудов ВЮЗИ. М., 1988.

¹² При этом подчеркивалось, что из 47 привлеченных к ответственности лишь 28 были приговорены к различным срокам заключения, 15 — к условному осуждению, двое были направлены в приют для престарелых и еще двоим вынесено общественное порицание (см.: *Плаксин.* Тихоновщина и ее крах. С. 156).

¹³ См.: *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 25, 29–32.

¹⁴ См.: *Титов.* Указ. соч. С. 159.

¹⁵ См.: *Голиков.* Указ. соч. С. 25; *Корзун.* Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Последняя цифра перекликается с данными Ю. П. Титова, который писал, что в результате контрреволюционных выступлений духовенства, попавших в поле зрения Кассационного Трибунала в 1919 г., погибло 139 коммунистов (см.: *Голиков.* Указ. соч. С. 25; *Плаксин.* Тихоновщина и ее крах. С. 153; *Титов.* Указ. соч. С. 159).

В целом, за исключением единичных работ (упоминавшегося Д. Л. Голикова, В. А. Клименко и др.)¹⁷, в трудах общеисторического плана Православной Церкви в период Октябрьской революции и Гражданской войны почти не уделялось внимания. Многие ключевые для советской историографии работы практически игнорировали ее¹⁸. Таким образом, даже на фоне скудной литературы, затрагивавшей проблемы подавления «внутренней контрреволюции», борьба с Русской Православной Церковью была представлена и вовсе незначительно. Это свидетельствовало не столько об относительной неразработанности темы, сколько о том, что, вопреки громким антицерковным заявлениям советских лидеров, на деле большевики (и вслед за ними советские историки) не считали Церковь одним из своих главных противников. Как отмечают некоторые современные исследователи, даже в 1922 г., когда основные антибольшевистские силы были разгромлены или существенно ослаблены и фокус внимания властей переместился на Церковь, власти, в т. ч. чекисты, рассматривали Русскую Православную Церковь как противника второго плана, как врага, но не очень серьезного¹⁹.

К концу перестройки, особенно с 1989 г., под напором «гласности» изменения в историографии стали приобретать более заметный характер. В обобщающей монографии «Русское православие: вехи истории» еще содержались — в смягченном виде — старые штампы. Вместе с тем в книге прозвучала критика политики советских властей по отношению к Церкви²⁰. Помимо газетной публицистики, слабо контролируемой властями и шокировавшей советскую общественность фактами и оценками массовых репрессий против священников и мирян, появились и некоторые сборники статей, смело взламывавшие официальные исторические концепции²¹. По сути, все это знаменовало начало поворота в советской историографии. Однако завершен он так и не был. Ни источниковая база, ни методологическая и концептуальная основа исследований, ни их понятийный аппарат в целом не приобрели нового качества и, несмотря на ряд новаций, по большей части оставались советскими.

Важнейший вклад в сбор сведений об антицерковных репрессиях в период Октябрьской революции внесли некоторые ее современники и прежде всего сами священнослужители. Уже в материалах, представленных в адрес Поместного Собора и Высшего церковного управления к 20 сентября 1918 г., содержалась информация о 97 погибших за веру и Церковь (из них 24 безымянных) и

¹⁷ См.: *Клименко В. А.* Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920. М., 1978.

¹⁸ См.: напр.,: *Великий Октябрь и защита его завоеваний.* Кн. 1–2. М., 1987; *Гражданская война в СССР: В 2 т.* М., 1980, 1986; *Спирин Л. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968 и др.

¹⁹ См.: *Петров М. Н.* Крест под молотом. Вел. Новгород, 2000. С. 87.

²⁰ Текст монографии отразил стремительные изменения, происходившие в обществе. Если в соответствующей главе содержалось лишь робкое, мимолетное признание того, что «в прошлом советское законодательство о религиозных культах не всегда соблюдалось», причем эти нарушения сводились — как было видно из контекста — главным образом к 1930-м гг., а сам этот сюжет размещался в сноске (!), то уже в заключении критические выводы прозвучали более выпукло, и уже применительно к периоду Октябрьской революции (хотя и здесь негативные моменты списывались на стихию масс и ошибки местных властей) (см.: *Русское православие: вехи истории* / Науч. ред. А. И. Клебанов. М., 1989. С. 5, 617, 618, 694).

²¹ См.: *На пути к свободе совести: Сб. ст.* М., 1989.

о 118 находившихся под арестом. Выявление данных об антицерковном терроре и его жертвах шло нередко с риском для жизни. Комиссия из трех человек, посланная собором для расследования гибели архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского), сама была уничтожена большевиками. Тем не менее работа по сбору сведений продолжалась на советской территории по меньшей мере до августа 1919 г., а в районах, контролируемых белыми, — и далее²². В 1920 г. патриарх Тихон сообщил одному англичанину, что ему известно о гибели 322 епископов и священников²³.

Принципиальное, еще не в полной мере оцененное исследователями значение имела деятельность комиссий белых правительств по выявлению злодеяний большевиков. Несмотря на краткий срок функционирования, они сумели накопить огромный фактический материал, в т. ч. и по антицерковным репрессиям. Его часть была опубликована уже в 1919 г.²⁴, другая — стала важнейшим источником для работ эмигрантских исследователей. Многие материалы были изданы лишь сравнительно недавно²⁵.

Поскольку продолжать выявление и обобщение материалов об антицерковном терроре в период Октябрьской революции в условиях СССР было крайне трудно, на протяжении шести десятилетий данная тема исследовалась главным образом в зарубежной, прежде всего русскоязычной, эмигрантской историографии.

С советской историографией ее объединяла нехватка источников, а отчасти и некоторая, вполне понятная для людей, переживших гонения и лишившихся Родины, пристрастность. Однако ее качественное отличие было обусловлено наличием творческой свободы для авторов и отсутствием цензуры.

Важнейшей обобщающей работой о красном терроре в России стала книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918–1923», вышедшая в Берлине в 1923 г. Репрессии против Церкви в ней специально не рассматривались, но были приведены обобщающие (без ссылок на источники и методику подсчета) цифры из британской прессы о гибели 28 епископов (т. е. каждого пятого-четвертого от их состава на 1917 г. — С. Л.), а также 1219 священников. На основе доступных для него материалов советской прессы Мельгунов попытался определить и социальный состав расстрелянных большевиками в 1918 г.

Первой крупной работой, посвященной непосредственно репрессиям в отношении духовенства, явилась «Черная книга» А. А. Валентинова, вышедшая сначала на английском и немецком языках, а в 1925 г. — и на русском языке в

²² См.: «Приспело время подвига ...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на церковь / Сост. Н. А. Кривошеева. М., 2012. С. 74, 485; Балмасов С. С. Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 140–145; а также: Иванов Б. П. Церковь и революция (публичная лекция). Томск, 1919; Садовский В. Большевики и церковь: Доклад протоиерея В. Садовского Высшему церковному управлению в г. Омске. Омск, 1919.

²³ См.: Пайтс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 426.

²⁴ См.: Особая Комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России. Б. м., 1919.

²⁵ См.: Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М., 2004; Балмасов. Указ. соч.

Париже²⁶. С трудом Мельгунова ее объединяла насыщенность документальным материалом (из-за чего ее порой квалифицируют как сборник документов), а также состав основных источников: материалы прессы и «белых» комиссий по расследованию большевистских злодеяний. Однако, в отличие от Мельгунова, А. А. Валентинов смог — по нашим подсчетам — восстановить имена более 90 священнослужителей, членов их семей и мирян, погибших в 1917–1921 гг. Кроме того, он привел обобщенные данные по двум регионам (Ставрополью и Перми), свидетельствующие об убийстве там 102 представителей РПЦ.

Новый важнейший шаг в изучении репрессий против Церкви, в т. ч. и в период Октябрьской революции, сделал протоиерей М. Польский²⁷. Он привлек множество новых источников, различных материалов и свидетельств очевидцев описываемых событий (по понятным причинам, не всегда их называя). По нашим подсчетам, в своем фундаментальном труде он смог указать имена 190 священнослужителей (включая 22 епископов) и мирян, погибших в 1917–1921 гг. О многих из них, и прежде всего об иерархах Церкви, он написал целые очерки, включавшие и обстоятельства их мученической смерти. Кроме того, протоиерей М. Польский привел обобщающие данные по семи регионам и одному городу, свидетельствующие о гибели там в рассматриваемый период 600 безымянных клириков и мирян²⁸. А. А. Валентинов и протоиерей М. Польский, по сути, заложили основу современной историографии антицерковного террора. Их работы наглядно показали, что террор был важнейшим методом церковной политики большевиков в период Октябрьской революции. (Тем не менее это положение, как будет показано ниже, еще не вполне усвоено многими современными исследователями.)

Тем временем и в условиях СССР отдельные подвижники все же продолжали осуществлять поиск документов по истории Церкви. Порой им удавалось передавать материалы за границу, откуда они в виде различных публикаций или информации о них просачивались и на Родину²⁹. Некоторые авторы, используя эти и другие доступные им материалы, смогли написать и опубликовать на Западе свои книги, в которых в той или иной мере затрагивалась и проблема ан-

²⁶ Валентинов А. А. Черная книга (Штурм небес): Сб. документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. Париж, 1925.

²⁷ Польский М. Новые мученики российские: В 2 кн. М., 1994.

²⁸ «По строго проверенным данным, в одной Харьковской губернии за 6 месяцев, с конца декабря 1918 г. по июнь 1919 г., было убито 70 священников». «В одно короткое время в Кубанской области было убито 43 священника и в пределах небольшой части Ставропольской епархии убито 52 священника, 4 диакона, 3 псаломщика и 1 ктитор». «В Воронежской епархии тогда было расстреляно 160 священников». «В Харьковской губ. за 6 месяцев, с конца декабря 1918 г. по июнь 1919 г., было убито 70 священников». «В 1919 г. Пермский епископ опубликовал список, в котором числилось 42 представителя православной церкви, расстрелянных и замученных большевиками». В 1920 г. в г. Феодосии были расстреляны «бежавшие с севера 63 священника». «Во время крестьянского восстания в Западной Сибири в 1921 г. было расстреляно в одной Тобольской губ. около 100 священников».

²⁹ Подробнее см.: Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — нач. 1930-х гг.) М., 2011.

тицерковного террора в период Октябрьской революции. Из таких работ стоит упомянуть популярную книгу Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви»³⁰.

В 1988 г. издательство «Посев» выпустило календарь-памятку «Крестный путь Церкви в России. 1917–1987». В нем были приведены многие имена погибших за веру архиереев, священников, факты массовых репрессий и содержались, пусть и без указания на источник, обобщающие цифры: «До революции в России было 360 тыс. священнослужителей (из них 100 тыс. приходских пастырей)», а уже к концу 1919 г. «осталось в живых 40 тыс. священников»³¹. Эти данные не могут служить основанием для вывода о 320 тыс. репрессированных, хотя это порой и делается в литературе. Цифры 360 тыс. и 100 тыс. не прояснены, но, очевидно, в первую из них были включены, по меньшей мере, все клирики, монашествующие Русской Православной Церкви (не исключено, и других конфессий), да и в число «приходских пастырей» также, видимо, попали церковнослужители. (К 1917 г., по современным оценкам, священников, диаконов и псаломщиков насчитывалось порядка 120 тыс. человек.) Тем не менее количество священнослужителей в 1919 г. (только с поправкой: не оставшихся в живых, а продолжавших пастырское служение), как будет показано ниже, подтвердилось некоторыми последующими исследованиями.

Работы русскоязычных авторов во многом способствовали становлению соответствующей западной историографии. Она несравненно более адекватно, чем советская, оценивала положение Церкви в СССР. Зарубежные авторы создали целый ряд исследований, затрагивавшие в той или иной мере репрессии против нее³². В частности, западные историки сделали новый шаг в выявлении статистики антицерковного террора. Дж. Куртис по советским источникам установил, что только с февраля по май 1918 г. в попытке защитить церковное имущество или в иных выступлениях верующих погибло около 687 человек³³.

Д. В. Поспеловский в книге «Русская Православная Церковь в XX в.», обрисовав в общем послеоктябрьский террор, отметил, что «в 1918–1920-х гг.» были

³⁰ Регельсон датировал начало «широкого гонения» против Церкви июнем 1918 г. Он повторил около 20 имен погибших, назвал количество жертв расстрела крестного хода в Туле 2(15) февраля 1918 г. (13 человек) и антицерковного террора в Пермской епархии за июнь–декабрь 1918 г. — 98 священнослужителей (что в 2,3 раза превышало цифру, обнародованную А. А. Валентиновым). Он привел обобщающие, хотя и неполные, данные (без учета Поволжья, Прикамья и т. д.) о гибели за 8 месяцев (июнь 1918 г. — январь 1919 г.) 369 священнослужителей и о тюремном заключении 215 человек (см.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977).

³¹ См.: Крестный путь Церкви в России. 1917–1987. Франкфурт-на-Майне, 1988.

³² См.: *Curtiss J. C.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953 (reprinted in 1965); *Davis N.* Long Walk to the Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy. Westview Press, 1995, 2003; *Fletcher W. C.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. Oxford, 1971; *Gabel P.* And God Created Lenin: Marxism vs Religion in Russia, 1917–1929. Prometheus Books, 2005; *Husband W. B.* “Godless Communists”. Atheism and Society in Soviet Russia 1917–1932. Northern Illinois university press, 2000; *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. L., 1964; *Luukkanen A.* The Party of Unbelief. The religious policy of the Bolshevik Party. 1917–1929. Helsinki, 1994; *Train M. J.* Lenin, Religion and the Russian Orthodox Church: an analysis of theory and practice. Ann Arbor, Michigan, 1970; *Wynot J.* Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. College Station, Texas, 2004.

³³ См.: *Curtiss.* Op. cit. P. 57.

убиты, по меньшей мере, 28 епископов (что подтвердило цифру Мельгунова), тысячи священников и, «по дошедшим до него сведениям», 12 тыс. мирян³⁴. В. Мосс привел — также без расшифровки (и со ссылкой на «данные Эрмхарда и Шумилина») — сведения о том, что в 1918–1919 гг. были убиты 28 епископов и 1414 священников и что к концу 1922 г. были казнены 2 млн мирян³⁵.

Вместе с тем в значительной части западных общеисторических работ об Октябрьской революции и Гражданской войне в России также наблюдалась тенденция к умалению и даже игнорированию антицерковного террора или сводившего его главным образом к 1922 г.³⁶

В постсоветской России история Православной Церкви стала, по-видимому, самой быстрорастущей областью историографии. (Следующей за ней по динамике развития оказалась история спецслужб³⁷.) За два с небольшим десятилетия история Церкви в советскую эпоху была написана почти заново. По числу опубликованных работ соответствующая современная историография в несколько раз³⁸, а возможно и на порядок, превысила всю предшествующую литературу. Хотя такой масштаб публикаторской деятельности не мог не вызвать проблем с качеством многих исследований, основная их часть явно отличается от советских и по своей методологии, и по источниковой базе (в которой важное место заняли церковные документы, свидетельства очевидцев, а также закрытые ранее материалы партийных и советских органов, включая отчасти и ВЧК). Это обеспечило в целом большую достоверность их положений.

Первой крупной и в значительной мере новаторской работой, появившейся на рубеже эпох (подписана в печать 5 июля 1991 г.), была книга В. А. Алексеева «Иллюзии и догмы»³⁹. Вскоре вышла брошюра М. И. Одинцова «Государство и церковь», затем переработанная в книгу⁴⁰. Однако в этих трудах, оказавших влияние на становление соответствующей постсоветской историографии, проблемы антицерковного террора 1917–1921 гг. практически не рассматривались.

³⁴ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 54, 106.

³⁵ См.: *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999) / Пер. с англ. СПб., 2001.

³⁶ См.: *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990; *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007; *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской власти в Петрограде. М., 2007; *Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии.* М., 1999.

³⁷ См.: *Леонов С. В.* История советских спецслужб 1917–1938 гг. в новейшей историографии (1991–2006) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М., 2007.

³⁸ См.: *Павлов Д. Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011. С. 50.

³⁹ Автор ввел в научный оборот обширный фактический материал и показал, в частности, некоторые противоречия внутри большевистских властей, центра и мест по поводу антицерковных действий. Ряд положений этой работы были развиты в следующей книге автора (см.: *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Он же.* «Штурм небес» отменяется. М., 1992).

⁴⁰ В этих работах автор дал некоторые новые оценки и впервые использовал ряд документов советских органов и в т. ч. ВЧК (см.: *Одинцов М. И.* Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. М., 1991; *Он же.* Государство и Церковь в России. XX в. М., 1994).

В 1995 г. были опубликованы две монографии — А. Н. Кашеварова и М. В. Шкаровского. Обе охватывали период 1917–1945 гг. и имели значимый, в какой-то мере даже этапный характер. А. Н. Кашеваров, рассматривая различные аспекты взаимоотношений государства и Церкви и, в частности, кампанию по вскрытию мощей, лишь в общем виде коснулся отдельных аспектов репрессивной политики большевиков после их прихода к власти⁴¹. В книге М. В. Шкаровского о Петербургской епархии, насыщенной архивными источниками и новыми оценками, были определены основные посылки, содержание церковной политики большевиков, отмечено массовое сопротивление Церкви советским декретам, однако антицерковный террор 1917–1921 гг. также почти не получил отражения⁴².

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. большинство крупных, в той или иной мере обобщающих работ почти не затрагивали антицерковные репрессии и, соответственно, не расценивали их в качестве принципиального фактора вероисповедной политики большевиков в период Октябрьской революции. Инерция советской историографической школы еще не была в полной мере преодолена. М. В. Шкаровский признал, что в середине 1990-х гг. научное изучение истории Русской Православной Церкви только начиналось⁴³.

Вместе с тем уже с начала 1990-х гг. явно обозначилась новая тенденция. Стали появляться различные издания, сборники документов непосредственно об антицерковном терроре и его жертвах⁴⁴. В 1992 г. вышло первое исследование, посвященное данной теме⁴⁵. В этой брошюре содержался ценный фактический материал о репрессиях против РПЦ, этапах наступления на нее в 1917–1922 гг., а также об «антисоветских» выступлениях с участием духовенства на Урале (118 выступлений в октябре 1917–1920 гг.). В переработанном и расширенном виде многие ее положения получили развитие в монографии 2004 г.⁴⁶

Крупным событием в общественной и научной жизни страны стал выход книг иеромонаха (затем игумена) Дамаскина (В. Орловского). Начиная с 1992 г. он выпустил две серии книг, основанных на богатейшей источниковой базе (в т. ч. архивах ФСБ)⁴⁷, где восстановлены биографии и обстоятельства гибели примерно 900 новомучеников, исповедников и подвижников РПЦ. Хотя погиб-

⁴¹ См.: *Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995.

⁴² См.: *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995.

⁴³ См.: Там же. С. 3.

⁴⁴ См.: К канонизации новомучеников российских. М., 1991; Черные дни русского православия: Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти, 1917–1965 гг. / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. А. В. Чернышова. Тюмень, 1992.

⁴⁵ См.: *Нечаев М. Г.* Красный террор и Церковь на Урале. Пермь, 1992.

⁴⁶ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений (1917–1922). Пермь, 2004.

⁴⁷ См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви 20-го столетия. Кн. 1–7. Тверь, 1992–2003; *Он же.* Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Т. 1–5. Тверь, 2002–2004.

шие в 1917–1921 гг. составили среди них явное меньшинство, эти книги привлекли внимание общественности к красному террору против духовенства.

В 1993 г., в своей концептуальной статье, посвященной взаимоотношениям Церкви и власти в первое десятилетие после Октябрьской революции, О. Ю. Васильева выдвинула тезис об «антирелигиозной войне» большевиков и привела — со ссылкой на архивный источник — оценку численности жертв среди духовенства и «мирян, стоявших вне Гражданской войны» в 1917–1921 гг. — более 10 тыс. человек (не считая священников, находившихся в рядах белых)⁴⁸.

Вышеуказанные работы, постепенное расширение источниковой базы и сама логика «взросления» постсоветской историографии все более стали сказываться и на некоторых общих трудах. В 1994 г. вышла в свет «История Русской православной церкви» (1917–1990 г.) протоиерея В. Цыпина. Несмотря на свой характер (учебное пособие), краткость и повествовательность стиля, она отчасти имела и исследовательский характер. В переработанном и расширенном виде книга была выпущена в 1997 г.⁴⁹, а затем многократно переиздавалась. В ней было показано, что антицерковный террор, начавшись уже 28 октября 1917 г., «стал важным фактором взаимоотношений власти и церкви». Автор назвал имена ряда погибших священнослужителей и привел статистику репрессий по четырём епархиям.

В вышедшей в 1997 г. монографии М. Ю. Крапивина⁵⁰ анализ антицерковного террора в годы Октябрьской революции не был приоритетной задачей. Тем не менее, характеризуя масштабы сопротивления РПЦ политике большевиков, автор впервые привел данные о том, что по трем губерниям Центральной России (Воронежской, Курской и Тамбовской) в 1917–1920 гг. духовенство стало инициатором 188 «антисоветских выступлений», из которых 73 закончились кровопролитием. В книге показано, что борьба с духовенством и прихожанами велась большевиками с грубейшими нарушениями даже «советской законности». Массовые репрессии привели к тому, что уже к концу 1919 г. пастырское служение продолжали нести лишь 40 тыс. православных священнослужителей. В какой-то мере отдельные моменты, связанные с антицерковной политикой большевиков, получили развитие в позднейшей монографии М. Ю. Крапивина и других авторов, вышедшей в 2005 г.⁵¹

Исследование рассматриваемой проблемы шло не только путем развития публикаторской деятельности. Еще с 1990 г. силами энтузиастов начался систематический сбор материалов и разработка базы данных о гонениях на Русскую Православную Церковь. С 1992 г. эта работа ведется в рамках Православного

⁴⁸ См.: *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 41, 43.

⁴⁹ См.: *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990: Учебник для правосл. духовн. семинарий. М., 1994; *Он же.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.

⁵⁰ См.: *Крапивин М. Ю.* Непридуманная церковная история. Волгоград, 1997. Она во многом была основана на первой монографии автора: *Противостояние: большевики и Церковь.* Волгоград, 1993.

⁵¹ См.: *Крапивин М. Ю., Далматов А. Г., Макаров Ю. Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). СПб., 2005.

Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ранее Православный Свято-Тихоновский богословский институт). По благословию Патриарха Алексия II туда был передан архив данных (около 2 тыс. имен), собранный Синодальной комиссией по изучению материалов о реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви. Опираясь на базу данных по новомученикам и исповедникам, на другие доступные источники и используя математические методы, Н. Е. Емельянов в середине 1990-х гг. предпринял новаторскую попытку оценки масштаба антицерковных репрессий, в т. ч. и за период Октябрьской революции и Гражданской войны. По мере пополнения базы данных эти вычисления повторялись⁵². Часть данных о погибших была опубликована в биографическом справочном издании «За Христа пострадавшие»⁵³.

В предисловии к сборнику документов «Следственное дело патриарха Тихона», изданном ПСТГУ, приводились данные ВЧК, имевшиеся в этом деле, о том, что в 1918 г. было расстреляно 827 священнослужителей, а общие масштабы жертв до 1920 г. авторы определили в 11 тыс. человек⁵⁴.

А. Н. Кашеваров в новой обобщающей монографии⁵⁵, рассмотрев конфликт большевистских властей и Церкви в 1917–1922 гг., признал, что «открытые гонения и террор против священнослужителей и мирян» стали важнейшим средством осуществления советской религиозной политики. Тем не менее он не анализировал эту проблему, ограничившись отдельными примерами, и отметил, что число убитых в 1918–1920 гг. священников не установлено, но исчислялось тысячами.

В 2000-е гг. начало развиваться новое перспективное направление — изучение влияния ВЧК на Церковь и советскую церковную политику. В книге и диссертации Ю. Н. Макарова большевистский террор не стали предметом специального исследования. Тем не менее автор отметил особенность репрессий (массированные, хотя и бессистемные) и сделал вывод, что «настоящий погром церковно-иерархических структур и церковной инфраструктуры под флагом секуляризации продолжался с лета 1918 по лето 1919 г.»⁵⁶. Различным аспектам воздействия ВЧК на Православную Церковь был посвящен и целый ряд статей

⁵² См.: Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке // Культура. Образование. Православие: Сб. матер. регион. научно-практ. конф. Ярославль, 1996. С. 248–252; *Он же*. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 г. (по данным на январь 1999 г.) // <http://www.pstbi.ru/institut/sb/f12.htm>. *Он же*. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь 1917–1952 гг. (По данным на январь 2004 г.) // <http://www.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?ans>

⁵³ См.: За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Кн.1. А–К. / Под ред. прот. В. Воробьева. М., 1997.

⁵⁴ См.: Воробьев В. Н., прот., Кривова Н. А., Романова С. Н., Шелкачев А. В. Предисловие // Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 15.

⁵⁵ См.: Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005.

⁵⁶ См.: Макаров Ю. Н. Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи, 2007; *Он же*. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР (ок. 1917 – кон. 1920-х гг.). Автореф. дис. ... д-р ист. наук. СПб., 2007.

Ю. Н. Макарова и М. Ю. Крапивина⁵⁷. Разработка этой проблемы сулит существенное продвижение в понимании сути и механизмов советской церковной политики (особенно с лета—осени 1918 г.). Однако развитие соответствующих исследований сдерживается из-за весьма ограниченного доступа к документам центрального и региональных архивов ФСБ.

Масштаб разнообразной литературы, в той или иной мере затрагивающей рассматриваемую проблему, за последние два десятилетия стремительно нарастал⁵⁸. Получили значительное (хотя и не повсеместное) развитие различные региональные издания⁵⁹, было защищено множество диссертаций⁶⁰. Тем не менее, за редким исключением, они охватывают хронологически длительные перио-

⁵⁷ См.: *Макаров Ю. Н.* Власть, ВЧК и Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // История и историки в контексте времени. Вып. 1. Краснодар, 2003; *Он же.* ВЧК и Русская Православная Церковь (1919–1921 гг.) // Клио: журнал для ученых (СПб.). 2003. № 3(22); *Он же.* Органы государственной безопасности как инструмент преодоления религиозного влияния: поиск и выработка механизмов вмешательства в жизнедеятельность Православной Российской Церкви (1919–1921 гг.) // Человек. Сообщество. Управление: Актуальные проблемы исторической науки. Краснодар, 2006; *Крапивин М. Ю., Макаров Ю. Н.* Всеволод Путята: биографическая справка // Общество и власть: Материалы. всеросс. науч. конф. СПб., 2003; *Крапивин М. Ю.* Архиепископ Варнава (Накропин) и религиозная политика ВЧК: 1918–1922 годы // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24); *Крапивин М. Ю.* Деятельность С. М. Труфанова (бывшего иеромонаха Илиодора) в Советской России (1918–1922 гг.) в связи с формированием государственной политики в отношении Православной Церкви // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24).

⁵⁸ Из не упомянутых выше см.: *Емельянов С. Н.* Власть и церковь: Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. М.; Курск, 2001; *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб., 2002; *Одинцов М. В.* Русская Православная Церковь в XX в.: история взаимоотношений с государством и обществом. М., 2002. Пострадавшие за веру и церковь Христову 1917–1937 / Автор-сост. Л. А. Головкина, О. И. Хайлова. М., 2012; «Пришло время подвига...» Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на церковь / Сост. Н. А. Кривошеева. М., 2012 и др.

⁵⁹ См.: «Были верны до смерти...» Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских. Т. 1. Рязань, 2002; Возвращение к правде. Из истории политических репрессий в Тверском крае в 1920-е, 1930-е и 1950-е годы. Тверь, 1995; *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999; *Зелёв С. В.* Сурская Голгофа. Пензенская епархия в годы гонений (1917–1941). Пенза, 2007; Новые мученики и исповедники Самарского края / Сост. А. Жоголов. Самара, 1996; Мученики и исповедники Оренбургской епархии. Саракамыш, 1999; Санкт-Петербургский мартиролог / Ред. прот. В. Сорокин. СПб., 2002; Симбирская Голгофа (1917–1938) / Сост. свящ. В. Дмитриев. Ульяновск, 1996 и др.

⁶⁰ См.: *Крапивин М. Ю.* Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.). Автореф. дис. ... д-р. ист. наук. СПб., 1999; *Белоглазов М. Л.* Взаимоотношения органов государственной власти и Православной Церкви на Алтае (октябрь 1917–1925 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992; *Ибатуллин Н. И.* Государственная политика в отношении Русской Православной Церкви (1917–1923 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Каиль М. В.* Православная Церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг.: Эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2011; *Новикова Т. М.* Русская Православная Церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (дек. 1917 – август 1921 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011; *Михайлов С. В.* Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998 и др.

ды и посвящены широкому спектру проблем. Антицерковные репрессии в годы Октябрьской революции в лучшем случае затрагиваются в них лишь мимоходом и по большей части почти не прибавляют в этой сфере новых знаний.

Уровень, на который вышла современная историография, во многом характеризует новая, обобщающая монография М. В. Шкаровского⁶¹. В ней содержатся отдельные новые источники и оценки, касающиеся антицерковного террора, приводятся имеющиеся в историографии обобщающие данные о численности его жертв в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Тем не менее в этой добротной книге все же нет системного анализа антицерковного террора и его места в политике большевиков тех лет. Сюжеты, связанные с большевистскими репрессиями, заняли лишь 1/50 часть соответствующего параграфа монографии. Все это наглядно отражает недостаточную разработанность рассматриваемой темы в историографии.

Целый ряд принципиальных проблем антицерковного террора в годы Октябрьской революции еще не получили сколько-нибудь убедительного решения и носят дискуссионный характер. Ниже в сжатом, полемически заостренном виде приводятся отдельные из них.

– Придя к власти, большевики сразу взяли курс на уничтожение Церкви или, по меньшей мере, на решительное наступление на нее (Н. Е. Емельянов, М. Г. Нечаев и др.)? Или же они стремились главным образом к ее вытеснению, надеясь на ее скорое отмирание в новых условиях и всячески подталкивая, «помогая» ей в этом (М. В. Шкаровский, А. Н. Кашеваров, М. Ю. Крапивин и др.)? Хотя вторая точка зрения на сегодняшний день представляется более аргументированной, остается неясным: ставилась ли на политическом уровне непосредственная задача уничтожения Церкви в рассматриваемый период? (То, что большевистская стратегия не предусматривала существования Церкви при социализме, представляется очевидным). Если да, то когда можно говорить о развертывании соответствующей политики? С октября 1917 г.? С зимы, весны, лета или осени 1918 г., с 1919 или 1922 г.? И когда эта задача фактически снималась, откладывалась в долгий ящик?

– Насколько настроения духовенства и позиция самой Церкви служили поводом для репрессий? Или же, пользуясь лексикой той эпохи, была ли, и в какой мере Церковь «контрреволюционна»? Хотя этот термин был скомпрометирован в советское время и вызывает сейчас естественное отторжение, важно не удариться в противоположную крайность и не ограничиться лишь переменной «знака». Тезис о той или иной мере «контрреволюционности» РПЦ разделяют отдельные авторы (М. Ю. Крапивин и др.), а некоторые даже полагают, что, несмотря на подчеркивание своей аполитичности, она все же вела определенную борьбу против большевиков до сентября 1919 г. (А. А. Литвин). Одним из условий для аргументированного разрешения этой проблемы является прояснение не юридических (тут все ясно), а политических критериев «контрреволюционности» в той обстановке.

– «Кто приказывал и исполнял»? Каково было соотношение террора «сверху» (со стороны официальных структур: большевистских комитетов, ВЧК,

⁶¹ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.

ревтрибуналов, армии, милиции, советов, ревкомов и т. п.) и «снизу»: со стороны самих революционизированных и бандитствующих масс, ощутивших вседозволенность? Важнейшая проблема — позиция преобладающей части городского и сельского населения. Говоря обобщенно, народ — скорее жертва, пассивный наблюдатель или активный участник? Ясно, что все три позиции присутствовали, но каково было их соотношение в тех или иных регионах и в стране в целом? Прав ли А. А. Валентинов, который писал: «Терроризированное население всюду глухо роптало и лишь в некоторых случаях активно выступало против большевиков». Или скорее правы критики Валентинова, которые полагали, что народ у него предстает скорее как пассивная жертва, хотя на деле он активно участвовал в антицерковной кампании?⁶²

— Принципиальный вопрос — численность жертв антицерковного террора. Максимальные данные, приведенные В. Моссом (2 млн казненных мирян к 1922 г.), вряд ли заслуживают в данном контексте специального анализа. По последним оценкам, совокупное число жертв красного и белого террора в годы Гражданской войны определяется в 1,5 млн человек⁶³. Более реалистичным выглядит порядок цифр, введенный в научный оборот О. Ю. Васильевой и некоторыми другими исследователями: более 10 тыс. погибших клириков и мирян в 1917–1921 гг. (не считая священников, находившихся в рядах белых). Эти данные близки к оценкам Д. В. Пospelовского и др. авторов: гибель тысяч священников и 12 тыс. мирян; расстрел в 1918–1919 гг. 4 тыс. священнослужителей и иные репрессии в отношении еще 2,3 тыс. Не так уж отличаются от них и подсчеты Н. Е. Емельянова, свидетельствующие о гибели в 1918–1919 гг. 15 тыс. человек и общем числе репрессированных в 1918–1920 гг. представителей клира и прихожан в 20 тыс. человек.

Таким образом, большинство имеющихся на сегодняшний день сколь-нибудь серьезных оценок численности репрессированных находятся в не столь широком диапазоне. Однако говорить пусть и об относительном консенсусе исследователей, а тем более о том, что порядок жертв антицерковного террора в период Октябрьской революции уже определен, рано.

Подробный анализ вышеприведенных данных является предметом специальных исследований. Тем не менее стоит все же заметить, что вызывает сомнение, во-первых, пропорция числа погибших и подвергшихся иным репрессиям (4 тыс. и 2,3 тыс.; 15 тыс. и 5 тыс. человек), которая, по-видимому, говорит о недооценке масштабов «второй» группы духовенства и прихожан. Во-вторых, требует серьезного обоснования примерное равенство (по данным Емельянова) числа репрессированных в 1917–1920 гг. и в 1921–1923 гг. (даже с учетом, что во время «второй волны репрессий» было расстреляно лишь 1 тыс. человек). Однако фундаментальная проблема заключается в том, что большинство имеющихся оценок не имеют «расшифровки» (особенно по регионам, категориям рассматриваемого населения, зачастую годам и методикам подсчетов) и почти не подда-

⁶² См.: Лурье С. «Штурм небес» как зеркало русской смуты // Отечественные записки. 2002. № 2.

⁶³ См.: Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 285.

ются верификации. Неясно, охватывают ли они только Россию или Российскую империю (с Украиной, Грузией, Белоруссией и т. д.) и каковы критерии репрессий? Считаются ли таковыми кратковременный арест, условное заключение, штраф или конфискация имущества? Как быть с погибшими от голода или уголовного террора? Наибольшие сложности, как справедливо отмечал Н. Е. Емельянов, с определением численности репрессированных мирян. Если удастся выработать сколько-нибудь признанные критерии и методики подсчетов, то развитие региональных (и не только) исследований уже не в столь отдаленном будущем способно сузить коридор оценок количества погибших священнослужителей, а главное, подкрепить эти оценки источниками, аргументированными подсчетами. Однако даже с сугубо приблизительной численностью павших за веру мирян, а значит и с общим числом репрессированных, определяться придется долгие годы, не исключено, десятилетия.

Таким образом, несмотря на произошедший прорыв в научной разработке антицерковного террора, до сих пор эта важнейшая тема на фоне большинства других аспектов истории Русской Православной Церкви в период Октябрьской революции выглядит относительно малоисследованной. По большей части она затрагивается лишь в широком контексте общих проблем государственно-церковных отношений. Хотя в современной историографии уже накоплен обширный фактический материал, до последнего времени в большинстве обобщающих работ сохраняется определенная недооценка роли репрессий, нет четкого понимания их роли в осуществлении вероисповедной политики большевиков, а в какой-то мере и в жизни самой церкви. Многие ключевые, дискуссионные проблемы рассматриваемой темы еще ждут аргументированного решения.

Ключевые слова: Антицерковный террор, историография, Православная Церковь, Октябрьская революция, Гражданская война, репрессии, жертвы, оценки, дискуссионные проблемы.

ANTI-CHURCH TERROR DURING THE OCTOBER REVOLUTION THROUGH THE PRISM OF THE HISTORIOGRAPY

S. LEONOV

The article reviews the historiographical data on the Bolshevik repressions against The Russian Orthodox Church during The October Revolution (1917-1921). It explores the main trends and peculiarities of the historiography, starting from its genesis and up to the present days. It points out that in the Soviet historical literature this subject was actually prohibited; and at best, it was addressed only en passant. Only to the end of the "Perestroika" these subjects was actively discussed, but in the press. The basis for the historiography of the anti-church terror during the October Revolution was laid by the

Russian emigrants, first of all by A. A. Valentinov and M. Pol'skij. Essential knowledge was added by the Western historiography, but until 1990's it had been also restrained by the lack of sources. In contemporary Russia, many studies have appeared on the wave of unprecedented interest to the history of the Church, which review one or another aspect of repressions against clergy and laity during the October revolution. Nevertheless, several key issues still remains disputable since they have never been properly explored, e.g. the directly goals of the Bolsheviks' policy toward the Church and factors of anti-Church terror; relation of the terror "from above" (official/ government structures) to the one "from below"; attitudes of the majority of the rural and urban populations; numbers of repressed members of clergy and laity, etc. As a whole, the problem of anti-Church terror during the October revolution still remains underexplored.

Keywords: Anti-church terror, historiography, Orthodox Church, The October Revolution, The Russian Civil War, repressions, victims, appraisals, disputable problems.

Список литературы

1. *Валентинов А. А.* Черная книга (Штурм небес): Сб. документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. Париж, 1925.
2. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
3. *Дамаскин (Орловский)*, иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви 20-го столетия. Кн.1–7. Тверь, 1992–2003.
4. *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь 1917–1952 гг. (по данным на январь 2004 г.) // <http://www.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?ans>
5. *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005.
6. *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х гг.). М., 2011.
7. *Крапивин М. Ю.* Непридуманная церковная история. Волгоград, 1997.
8. *Макаров Ю. Н.* Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи, 2007.
9. *Нечаев М. Г.* Красный террор и Церковь на Урале. Пермь, 1992.
10. *Польский М.* Новые мученики российские: В 2 кн. М., 1994.
11. *Петров М. Н.* Крест под молотом. Вел. Новгород, 2000.
12. *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции (1918–1923). М., 1968.
13. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995.
14. *Титов Ю. П.* Революционные трибуналы в борьбе с церковной контрреволюцией // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и Церкви в истории России: Сб. науч. трудов ВЮЗИ. М., 1988. С. 147–167.
15. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
16. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.
17. *Curtiss J. C.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953.
18. *Luukkanen A.* The Party of Unbelief. The religious policy of the Bolshevik Party. 1917–1929. Helsinki, 1994.